

А. Г. ГЛАГОЛЕВ

Еще критика

(Письмо к редактору)

Прошу дать местечко в вашем «Вестнике» моему письму: дело, о котором хочу говорить с вами, немаловажно, ибо касается до нашей литературы. Скажу вам, милостивый государь, что я старик, живу здесь, в Москве, или, что все равно, в Бутырской слободе, и, не имея почти никаких дел, беспрестанно читаю. В старину я и сам кое-что пописывал; но *кто старое помянет, тому глаз вон*, говорит пословица. Много, много на моем веку случилось перемен в нашей словесности! Но беседа моя клонится не к тому, что было, а к тому, что теперь есть. Нашим старикам, Ломоносову, Сумарокову, Петрову, Державину, Хемницеру, Богдановичу, даже во сне не виделись такая замысловатость, такой свободный полет гения, такой обширный разгул фантазии, такая очаровательная дикость, какими щеголяет нынешняя наша поэзия.

Признаюсь вам, я было сперва порадовался новому приобретению в нашей словесности. Но теперь ужас обнимает меня, когда подумаю, что наделали новейшие преобразователи. Посмотрите на наш Парнас: это кладбище, где валяются черепа, кости, полуразвалившиеся гробницы и кресты могильные; где бродят духи, привидения, мертвецы в саванах и без саванов; где слышны крики вранов, шипение змей, вой волков... Что же касается до языка, которым все это выражается, то я уже и не знаю, право, что мне сказать должно¹. <...>

Теперь прошу обратить ваше внимание на новый ужасный предмет, который, как у Камоэнса Мыс Бурь², выходит из недр морских и показывается посреди океана российской словесности. Пожалуйте напечатайте мое письмо: быть может, люди, которые грозят нашему терпению новым бедствием, опомнятся, рассме-

ются — и оставляют намерение сделаться изобретателями нового рода русских сочинений.

Дело вот в чем: вам известно, что мы от предков получили небольшое бедное наследство литературы, т. е. *сказки и песни* народные. Что об них сказать? Если мы бережем старинные монеты даже самые безобразные, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности наших предков? Без всякого сомнения! Мы любим воспоминать все относящееся к нашему младенчеству, к тому счастливому времени детства, когда какая-нибудь песня или сказка служила нам невинной забавой и составляла все богатство познаний? Видите сами, что я не прочь от собирания и изыскания русских сказок и песен; но когда узнал я, что наши словесники приняли старинные песни совсем с другой стороны, громко закричали о величии, плавности, силе, красотах, богатстве наших старинных песен, начали переводить их на немецкий язык и наконец так влюбились в *сказки и песни*, что в стихотворениях XIX века заблестали Ерусланы и Бовы³ на новый манер, то я вам слуга покорный!

Чего доброго ждать от повторения более жалких, нежели смешных лепетаний?.. чего ждать, когда наши поэты начинают пародировать Киршу Данилова?

Возможно ли просвещенному или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражание Еруслану Лазаревичу? Извольте же заглянуть в 15-й и 16-й № «Сына отечества». Там неизвестный пиит на образчик выставляет нам отрывок из поэмы своей «Людмила и Руслан» (не Еруслан ли?). Не знаю, что будет содержать целая поэма; но образчик хоть кого выведет из терпения. Пиит оживляет *мужичка сам с ногу, а борода с локоть*⁴, придает ему еще *бесконечные усы* («С<ын> от<ечества>, стр. 121), показывает нам ведьму, шапочку-невидимку и проч. Но вот что всего драгоценнее: Руслан наезжает в поле на побитую рать, видит богатырскую голову, под которою лежит меч-кладенец; голова с ним разглагольствует, сражается... Живо помню, как все это, бывало, я слушал от няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же самое услышать от поэтов нынешнего времени!.. Для большей точности или чтобы лучше выразить всю прелесть *старинного* нашего песнословия, поэт и в выражениях уподобился Еруслану рассказчику, например:

...Шутите вы со мною —
 Всех *удавлю* вас бородою!

Каково?

...Объехал голову кругом
И стал *пред носом* молчаливо.
Щекотит ноздри копием...

Картина, достойная Кирши Данилова! Далее: чихнула голова, за нею и эхо *чихает*... Вот что говорит рыцарь:

Я еду-еду не свищу,
А как наеду, не спущу...

Потом витязь ударяет голову в *щеку* тяжелой *рукавицей*... Но увольте меня от подробностей и позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: *здорово, ребята!* Неужели стали бы таким проказником любоваться? Бога ради, позвольте мне, старику, сказать публике посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины вновь появились между нами! Шутка грубая, неодобряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а нимало не смешна и не забавна. Dixi *.

* Я сказал (лат.). — Сост.